

Научная статья
УДК 81'27+930.24+571.56(=161.1)
doi: 10.17223/2312461X/50/11

Языковая адаптация во фронтальной зоне: случай русских старожилов Приленья

Игорь Альбертович Данилов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, igor_danilov_2000@mail.ru*

Аннотация. Языковая адаптация некоренного населения во фронтальных зонах остается недостаточно изученным феноменом. Хотя случаи формирования смешанных языков хорошо документированы, механизмы глубокой языковой адаптации без создания нового языка требуют осмысления. Русские старожилы Приленья в Якутии представляют уникальный случай инверсии колониальных языковых иерархий: представители метрополии усвоили язык численно доминирующего коренного населения (якутский) при сохранении русской этнической идентичности. Этот феномен «объяснения» требует систематизации и объяснения механизмов, факторов и долгосрочной динамики языковой адаптации. Исследование опирается на концепцию фронта, применяемую к Сибири как классической фронтальной зоне. Статья синтезирует разнородные источники: путевые записки исследователей XIX в., этнографические материалы XX–XXI вв., социолингвистические обследования. Применен диахронический социолингвистический анализ, охватывающий период более двух столетий, что позволяет проследить долгосрочную динамику языковых процессов. Показана нелинейность адаптационных процессов: от русского моноязычия (XVIII в.) через якутское доминирование (конец XIX в.) к ревитализации русско-якутского двуязычия (XX в.) и современному переходу к русскому моноязычию у молодежи. Выявлены ключевые факторы языкового сдвига: демографическое доминирование якутов, экономическая интеграция в якутскую хозяйственную систему, образование на якутском языке, структурные свойства якутского языка, развитая устная литературная традиция. Установлены компенсаторные механизмы сохранения этнической границы при языковом сдвиге: компактность расселения, социально-экономическая специализация, православие, историческая память и др. Исследование демонстрирует, что во фронтальных условиях возможна инверсия языковых иерархий, полный языковой сдвиг может происходить независимо от этнической ассимиляции, а языковая адаптация представляет собой динамическое балансирование между стратегиями, определяемое текущей конфигурацией различных факторов.

Ключевые слова: языковая адаптация, фронтальная зона, русские старожилы, Приленья, языковая ситуация, объяснение, русско-якутское двуязычие, языковой сдвиг, ревитализация языка, межэтническое взаимодействие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20392, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. Автор выражает глубокую признательность руководителю проекта, д.ф.н. Н. И. Ивановой, и главному редактору журнала, д.и.н. Д. А. Функу, за полезные советы и конструктивные замечания при подготовке рукописи.

Для цитирования: Данилов И.А. Языковая адаптация во фронтальной зоне: случай русских старожилов Приленья // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 230–259. doi: 10.17223/2312461X/50/11

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/11

Language Adaptation in the Frontier Zone: The Case of the Russian Old- Settlers of the Lena Region

Igor A. Danilov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch
of the RAS, Yakutsk, Russian Federation, igor_danilov_2000@mail.ru*

Abstract. Language adaptation of non-indigenous populations in frontier zones remains an understudied phenomenon. While cases of mixed language formation are well documented, the mechanisms of deep language adaptation without creating a new language require theoretical understanding. The Russian old-settlers of the Lena River region in Yakutia represent a unique case of inversion of colonial language hierarchies: representatives of the metropole adopted the language of the numerically dominant indigenous population (Sakha) while maintaining their Russian ethnic identity. This phenomenon of “Yakutization” requires systematization and explanation of the mechanisms, factors, and long-term dynamics of language adaptation. The study draws on the frontier concept applied to Siberia as a classic frontier zone. The article synthesizes heterogeneous sources: travel notes of 19th-century researchers, ethnographic materials from the 20th – 21st centuries, and sociolinguistic surveys. A diachronic sociolinguistic analysis covering a period of more than two centuries has been applied, allowing us to trace the long-term dynamics of language processes. The non-linearity of adaptation processes is demonstrated: from Russian monolingualism (18th century) through Sakha dominance (late 19th century) to the revitalization of Russian-Sakha bilingualism (20th century) and the contemporary shift to Russian monolingualism among youth. Key factors of language shift have been identified: demographic dominance of Yakuts, economic integration into the Yakut economic system, education in the Sakha language, structural properties of the Sakha language, and a developed oral literary tradition. Compensatory mechanisms for maintaining ethnic boundaries during language shift have been established: compact settlement, socio-economic specialization, Orthodox Christianity, historical memory, and others. The study demonstrates that in frontier conditions, an inversion of language hierarchies is possible, complete language shift can occur independently of ethnic assimilation, and language adaptation represents a dynamic balancing between strategies determined by the current configuration of various factors.

Keywords: language adaptation, frontier zone, Russian old-settlers, Lena River region, language situation, Yakutization, Russian-Sakha bilingualism, language shift, language revitalization, interethnic interaction

Acknowledgements: The study was supported by grant No. 24-28-20392 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20392/>. The author is deeply grateful to the project supervisor, Dr N.I. Ivanova, and to the editor-in-chief of the journal, Dr D.A. Funk, for constructive discussion and valuable comments on the manuscript.

For citation: Danilov, I.A. (2025) Language Adaptation in the Frontier Zone: The Case of the Russian Old- Settlers of the Lena Region. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 230–259 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/11

Введение

Языковая адаптация некоренного населения во фронтирных зонах представляет собой один из наиболее интересных феноменов. В условиях географической изоляции, демографического дисбаланса и необходимости выживания в новых условиях складываются уникальные модели межъязыкового взаимодействия, которые часто не вписываются в классические теории языкового сдвига и сохранения. Об этом свидетельствуют метисные сообщества канадского Запада, где сформировался уникальный смешанный язык мичиф (Bakker 1997), креольские языки Карибского бассейна (Carrington 1999), медновский алеутский язык на Командорских островах (Golovko, Vakhtin 1990), аляскинский русский язык (Бергельсон, Кибрик 2018), новые языки австралийского фронта (McConvell 2010) и многие другие. В этом ряду случай русских старожилов Приленья в Сибири представляет особый интерес, демонстрируя не создание нового языка, а глубокую адаптацию через усвоение языка численно доминирующего коренного населения.

Правомерность применения концепции фронта к анализу языковой адаптации русского населения в иноэтническом окружении Приленья основывается на том, что Сибирь в отечественном научном дискурсе справедливо рассматривается как фронт. Исследователями показано, что, несмотря на географическую интегрированность с метрополией, Сибирь представляла собой классическую фронтальную зону с характерными процессами «хозяйственной и этнокультурной ассимиляции» (Резун, Шиловский 2005). Ключевой особенностью сибирского фронта являлась его протяженность во времени и пространстве, где «огромные расстояния между русскими поселениями» создавали условия для длительных и интенсивных межэтнических контактов, приводивших к метисации и формированию новых региональных сообществ (Хромых 2012: 242). При этом относительно Якутии необходимо подчеркнуть и природно-климатические особенности, детерминированные дополнительным измерением – северными и арктическими реалиями. Говоря об особенностях северного фронта, исследователи отмечают, что здесь традиционные социальные институты (родство, свойство, землячество) не просто сохраняются, но становятся основой адаптационных стратегий как коренного, так и пришлого населения, что демонстрирует востребованность неформальных сетей в экстремальных условиях Севера (Ерохина 2024: 119). В арктическом фронте актуализируется идея «жизнестойкости», требующей постоянного поиска новых форм адаптации (Пилясов 2015: 8).

Приленье представляет собой именно такую сибирскую, северную фронтальную зону, где эти характеристики находят яркое подтверждение. Потомки государевых ямщиков, начавших осваивать приленские территории в конце XVIII в., оказались в уникальной ситуации: будучи представителями имперского центра и носителями доминантной культуры, они парадоксальным образом усвоили язык коренного населения (якутский) настолько глубоко, что для многих из них он стал основным средством коммуникации. Этот феномен, получивший в историографии название «обьякучивание», представляет собой редкий пример инверсии привычных колониальных языковых иерархий и потому требует теоретического осмысления.

Актуальность исследования определяется несколькими ключевыми обстоятельствами. Опыт русских старожилов Приленья позволяет переосмыслить устоявшиеся представления о направленности языковых процессов в колониальных контекстах, где язык метрополии традиционно вытесняет местные языки. Кроме того, данный случай предоставляет возможность проследить долгосрочную динамику языковой адаптации на протяжении более двух столетий, что бывает редко доступно для диахронического социолингвистического анализа. Наконец, в контексте современных процессов глобализации, миграции и возрождения интереса к локальным идентичностям, изучение механизмов языковой адаптации во фронтальных зонах приобретает практическое значение для понимания этнокультурных процессов в полиэтнических сообществах.

Систематизация процессов языковой адаптации как особого случая развития во фронтальной зоне, объединяющая разрозненные историографические, этнографические и лингвистические материалы в единую аналитическую парадигму, до сих пор не осуществлялась. Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел, синтезировав имеющиеся данные и выявив механизмы, факторы и долгосрочную динамику языковой адаптации русских старожилов Приленья. Эта адаптация рассматривается как исторический процесс, в котором географическая изоляция, демографическое меньшинство русских и необходимость глубокой хозяйственно-культурной адаптации к местным условиям приводят к проницаемости и функциональной гибкости языковых границ.

Статья структурирована следующим образом. После данного введения следует краткий обзор истории формирования русского старожильского населения Якутии (раздел 1), необходимый для понимания исторического контекста и специфики данной группы в сравнении с другими русскими поселенцами. Раздел 2 посвящен анализу роли Приленского тракта как инфраструктурного проекта, определившего характер расселения и социально-экономического положения русских старожилов, что напрямую повлияло на траекторию их языковой адаптации.

Центральный раздел 3 переходит к анализу механизмов адаптации и организован в четыре подраздела, которые раскрывают разные аспекты процесса. Подраздел 3.1 вводит ключевое явление – «обьякучивание» русского старожильческого населения, описывая его как глубокую языковую и культурную адаптацию к якутской среде. Подраздел 3.2 документирует интенсивность этого процесса через свидетельства путешественников XIX в., непосредственно наблюдавших данные процессы. Подраздел 3.3 объясняет причины «обьякучивания»: демографическое преобладание якутов, практика образования на якутском языке, роль церкви, структурные свойства самого якутского языка, его фольклорная основа и интенсивное хозяйственное взаимодействие. Подраздел 3.4 связывает языковую и культурную адаптацию, показывая, каким образом формирование билингвизма и культурные практики взаимно поддерживали друг друга. И, наконец, в разделе 4 прослеживается трансформация языковой ситуации в советский и постсоветский периоды с учетом нелинейности процессов языковой адаптации. Это позволяет показать, что языковая адаптация во фронтальных зонах представляет собой динамическое балансирование между различными адаптивными стратегиями.

1. Русское старожильческое население Якутии

Русское старожильческое население Якутии представляет собой уникальный историко-культурный и языковой феномен, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия русских переселенцев с коренными народами края в условиях относительной изоляции. Русские старожильческие группы в регионе возникли в начальный период русской колонизации Якутии в XVII в. (История Якутии 2020: 467). Первопроходцами выступали служилые люди, промышленники и казаки, осваивавшие новые территории и закладывая первые русские поселения. Большинство из них происходило из северных и сибирских земель Русского государства.

Постепенное оседание части русского населения на территории Якутии привело к формированию старожильческих групп, отличающихся определенным своеобразием хозяйственного уклада, культуры и языка. Ключевую роль в этом процессе сыграла необходимость адаптации к суровым природно-климатическим условиям края и налаживание контактов с местными народами – якутами, эвенками, эвенками (История Якутии 2020). Важной вехой в истории русского старожильческого населения Якутии стало обустройство Иркутско-Якутского почтового тракта в 30–40-е гг. XVIII в., для обслуживания которого из центральных губерний России в 1770-х гг. были переселены несколько десятков крестьянских семей (Никитина 2023: 24). От них ведут свое происхождение современные старожильческие группы Приленья – потомки «государевых

ямщиков», численность которых в XVIII в., по оценкам исследователей, не превышала 1 тыс. человек (29).

Становление хозяйственно-культурного комплекса русских старожилов Якутии происходило путем сочетания традиционных занятий (земледелия, животноводства, промыслов) с заимствованием у коренного населения элементов культуры, наиболее приспособленных к местным условиям. Например, приленские крестьяне совмещали ямскую гоньбу с разведением крупного рогатого скота, переняв у якутов навыки ведения северного скотоводства. Стоит отметить, что локальные группы русского старожильского населения различались по степени трансформации исходного хозяйственно-культурного типа, восприятия местных традиций, влияния иноязычного окружения. Даже в случае близкого соседства мы можем видеть существенные различия в образе жизни, например, между «пашенными» крестьянами Амги и Олекмы и ямщиками-старожилами Приленья (История Якутии 2020: 467).

Основные поселения русских старожилов в Якутии образуют две группы: приленскую (по берегам Лены и ее притоков) и колымо-индигирскую (в бассейнах Колымы, Индигирки, Яны) (Дружинина 1997: 5). Характер этих старожильческих сообществ отличается оригинальностью и самобытностью, проявляющейся в языке, образе жизни, религии, культуре и даже местной архитектуре, вобравшей в себя элементы русской и аборигенной традиций (История Якутии 2020: 467).

Историко-культурное развитие русского старожильского населения Якутии протекало в тесном взаимодействии с якутским и другими народами края. Одним из значимых факторов стала метисация – процесс межэтнического смешения, в результате которого возникли своеобразные русско-аборигенные сообщества, совмещающие черты нескольких культур. В отличие от историографических традиций других стран, в российской науке по отношению к ним редко используется термин «метисы». Вместо него чаще применяются понятия «русские старожилы» или «русское старожильское население», относимые к исторически сложившимся группам русско-якутского происхождения в долине Амги, вдоль Иркутско-Якутского тракта, на северо-востоке региона (История Якутии 2020).

К началу XX в. численность старожильского населения Якутии достигала около 27 тыс. человек, из которых порядка 25 тыс. проживали в Центральной Якутии, а около 2 тыс. – на северо-востоке региона (Боякова 2012: 78). Вместе с тем представители старожильческих сообществ Якутии не ощущают себя единой группой. Несмотря на общность исторических судеб, каждое из них обладает собственной локальной идентичностью, тесно связанной с территорией происхождения (Bashkirov, Ikonnikova 2019: 127). Другой важной особенностью этих групп является

историческая память, часто опирающаяся на миф о своем происхождении и играющая не менее значимую роль, чем антропологические особенности, язык или культурные практики (История Якутии 2020: 467). Показательно, что современная мобилизация русского старожильского населения Якутии строится на основе специфической этно-территориальной идентичности: сегодня действуют такие общественные организации, как «Потомки государевых ямщиков», «Русскоустыинцы» и др., косвенно указывающие на внутреннюю этническую дифференциацию (Васильева 2020: 59).

Отдельного внимания заслуживает то, что у представителей русского населения Якутии сформировалась особая арктическая идентичность, характерная не только для коренных малочисленных народов Севера, но и для потомков русских старожилов – приленских крестьян-ямщиков, служилых людей и северных промысловиков (русскоустыинцев, индигирщиков, походчан, колымчан и др.) (Васильева 2020: 58).

Подводя итог краткому экскурсу, можно заключить, что русские старожильские группы Якутии представляют собой продукт сложного многовекового взаимодействия русского и коренного населения региона, адаптации переселенцев к экстремальным условиям Севера. Несмотря на малочисленность и трансформационные процессы, русские старожилы Якутии сохраняют свою локальную идентичность и самобытность, являясь неотъемлемой частью уникальной этнокультурной мозаики республики.

2. Формирование Приленского тракта и его роль в становлении русского населения

Образование Приленского тракта, как уже было отмечено, сыграло ключевую роль в истории освоения Якутии и становлении ее русского старожильского населения. Необходимость надежного сухопутного сообщения с отдаленными северо-восточными землями Российской империи осознавалась правительством уже вскоре после присоединения края. Однако вплоть до последней трети XVIII в. связь с Якутией поддерживалась преимущественно водным путем по р. Лене, доступным лишь в летнее время (Попов 2009: 109). Организация регулярного почтового тракта, действующего круглый год, стала насущной задачей, решение которой позволило бы обеспечить эффективное управление регионом и его поступательное социально-экономическое развитие.

Отправной точкой в создании Приленского тракта можно считать 1773 г., когда началось обустройство зимней почтовой дороги от Иркутска до Якутска. На этом участке протяженностью около 3 тыс. верст было учреждено 23 станции, на которые были переселены крестьяне из Центральной России в качестве ямщиков (Попов 2009). Изначально содержание почтовых станций и перевозка грузов были возложены на

местное якутское население, для которого эта повинность была достаточно тяжелой и вызывала серьезное недовольство (Майнов 1912: 4).

Выход из ситуации был найден в 1770 г., когда вышел указ Иркутской губернской канцелярии об освобождении якутов от почтовой гоньбы и переложении ее на русских переселенцев (Сафронов 1961: 51). Тракт начали постепенно заселять крестьянами-переведенцами из расчета по 10 взрослых мужчин на каждую станцию. Переселенцы набирались из жителей Центральной России и Сибири, причем нередко это были ссыльные или «преступники» (Сафронов 1987: 30). Так в Приленье появились первые компактные группы русского населения, потомки которых стали основой современного русского старожильского населения данного региона.

Процесс заселения и освоения тракта растянулся на несколько десятилетий и сопровождался постепенным увеличением числа почтовых станций (с 39 в 1810 г. до 62 к началу XX в.) и численности русских поселенцев (с 1600 чел. в 1810 г. до более 7 тыс. в 1900-х гг.) (Сафронов 1987). Каждая станция постепенно обрастала хозяйственной инфраструктурой и превращалась в небольшую деревню со смешанным этническим составом. Помимо собственно крестьян-ямщиков, на станциях проживали чиновники, духовенство, казаки, мещане, ссыльные и др. В результате к началу XX в. узкая полоса русских селений протянулась вдоль Лены от Витима до Якутска, образовав своеобразный хозяйственно-культурный анклав в якутской этнической среде.

Первоначально русские ямщики не имели собственных земельных наделов и не занимались земледелием, обеспечивая себя за счет извоза и ямской гоньбы. Однако, стремясь укрепить русскую оседлость в регионе и улучшить положение ямщиков, власти с 1820-х гг. начали наделять их пахотными угодьями (Федорова 1999: 25). Это положило начало развитию земледелия и скотоводства среди приленских крестьян, которые стали совмещать традиционные занятия с ведением комплексного хозяйства по якутскому образцу. Особенно активно этот процесс пошел с 1840-х гг., когда развитие золотодобычи в Якутии создало устойчивый рынок сбыта сельскохозяйственной продукции (Попов 2009: 109).

Приленский тракт стал важнейшим каналом русской крестьянской колонизации Якутии, которая приобрела здесь преимущественно правительственный характер и была подчинена задачам административного освоения территории (Майнов 1912: 4). В отличие от других районов Сибири, вольная крестьянская колонизация сюда практически не распространилась, и возникновение русских деревень было обусловлено почти исключительно нуждами организации почтовой связи. Показательно, что до начала XX в. во всей Якутии, помимо ямщицких селений, существовали лишь три русские деревни, основанные с целью развития земледелия, а не для обслуживания тракта (Майнов 1912).

Появление русских старожильческих селений вдоль Лены имело большое значение не только для развития транспортной инфраструктуры и хозяйственного освоения края, но и для упрочения позиций России на северо-восточных рубежах империи. Образование сети русских поселений, тесно связанных с центральными районами государства, позволило эффективнее контролировать и администрировать отдаленную окраину. В то же время относительная изолированность и замкнутость приленских деревень, а также близкое соседство и тесные контакты с якутами способствовали формированию у местного русского населения целого ряда специфических черт в языке, культуре, хозяйстве и образе жизни.

Таким образом, образование Приленского тракта стало поворотным моментом в истории развития русского старожильского населения Якутии, заложившим основу современной сети расселения и хозяйственной деятельности его потомков. Являясь результатом целенаправленной правительственной колонизации, приленские ямщицкие селения, тем не менее, довольно быстро приобрели черты устойчивых крестьянских сообществ со своеобразным жизненным укладом и самосознанием. В советский период многие из этих деревень пришли в упадок в силу социально-экономических трансформаций и изменения транспортной схемы (Соколов 2002: 151), однако, как показало исследование с применением ГИС-технологий, основные поселения сохранились до наших дней и выступают важными опорными центрами постоянного русского населения в регионе и основой современной сети расселения русских старожилов Якутии (Филиппова 2019: 61). Как отмечает Г.А. Макаров, сельское русское население Якутии в целом продолжает проживать на землях своих предков: казаков, ямщиков, религиозных сектантов, добровольных переселенцев (Макаров 2006: 30).

3. «Обьякучивание» русского старожильского населения Приленья

3.1. Феномен «обьякучивания» приленских русских

Процессы языковой и культурной адаптации, происходившие в этом регионе, привели к возникновению феномена «обьякучивания» – глубокого приспособления части русских переселенцев к якутской культуре и языку. По мнению Т.П. Петровой, «обьякучивание» представляло собой один из вариантов адаптации русских к иной природной и этнокультурной среде (Петрова 2004: 75).

Вместе с тем характер имеющихся данных позволяет усомниться в правомерности трактовки этого феномена как этнокультурной ассимиляции, которой придерживались многие дореволюционные и советские

исследователи. Как отмечает Е.А. Строгова, применительно к русским старожилам Олекминского, Хангаласского, Амгинского и Усть-Майского улусов точнее говорить не об ассимиляции, а об аккультурации в местную среду. При этом у данной группы русского населения имели место эволюционные процессы, выразившиеся в распространении якутского языка в качестве родного и формировании двуязычия (Строгова 2009: 181).

Так, И.Г. Романов отмечает, что постоянное бытовое общение с якутами привело к широкому распространению среди русских знания якутского языка, а межэтнические браки и сильное влияние якутской культуры в некоторых случаях вызывали утрату русскими крестьянами своего языка и обычаев, вплоть до полного «обьякучивания». В то же время на севере Якутии, по наблюдениям исследователя, происходил обратный процесс – частичное «обрусение» местных народов под влиянием устойчивых групп русских старожилов, сумевших сохранить русский язык и культурные традиции (Романов 2001: 13).

Таким образом, процессы «обьякучивания» особенно были заметны среди приленских крестьян, которые, по свидетельству Г.А. Попова, подверглись значительному влиянию якутов. Несмотря на сохранение физического типа великоросса с небольшим смещением, они в значительной степени утратили свой язык, говоря на особом наречии с преобладанием якутских слов. Якутский язык стал для них основным средством общения в домашнем быту. Изменения затронули не только язык, но и материальную культуру (жилищную обстановку) и духовный облик русских крестьян (Попов 2006: 108).

Важно отметить, что процесс освоения якутского языка русским населением и усвоения языка саха местными народами происходил постепенно и имел длительную историю. Как подчеркивает П.А. Слепцов, это породило исключительно устойчивую языковую традицию (Слепцов 1999: 67). К концу XIX в. якутский язык стал средством межнационального общения не только для самих якутов, но и для «обьякутившихся» представителей других народов – тунгусов, ламутов, юкагиров. Более того, его значение как языка межэтнического взаимодействия выходило за пределы самой Якутской области (Игнатъева 1994: 23).

Г.А. Попов объясняет масштабы обьякучивания жизнеспособностью и адаптивностью якутов, их способностью оказывать сильное влияние на окружающие народы. По его свидетельству, целые русские деревни (Амга, приленские селения Якутского округа, вилюйские крестьяне) подверглись глубокому языковому и культурному влиянию: их жители говорили по-якутски лучше, чем по-русски, и вели якутский образ жизни. Сходные процессы затронули и некоторые другие группы русского населения, такие как казаки, мещане и духовенство (Попов 2006: 79).

Важную роль в процессах обьякучивания приленских русских сыграли тесные экономические связи русских старожилов с якутами. Исследователи отмечают, что, несмотря на обязанности по обслуживанию Иркутско-Якутского тракта, приленские русские во второй половине XIX в. активно заимствовали у якутов скотоводческие практики. поголовье крупного рогатого скота у русского населения Приленья выросло с 93 голов в 1821 г. до 1682 голов в 1860 г., причем разводили они местную якутскую породу (Сулейманов 2023а: 87).

Хотя имеются очевидные свидетельства глубокого языкового и культурного влияния якутов на русских старожилов Приленья, существует и достаточно обоснованное мнение, указывающее на определенную «закрытость» русского населения станков. А.А. Сулейманов, опираясь на исследования М.А. Рыбакова начала XX в. и собственный анализ метрических книг, приходит к выводу, что браки между русскими крестьянами из приленских «ямщицких» селений (станков) и якутами заключались редко. Русские старожилы стремились поддерживать брачные связи внутри своей группы, между разными станками, что объяснялось нежеланием допускать «чужаков» к распределению доходов от ямской гоньбы (Сулейманов 2023а: 89). Однако в некоторых станках (Тит-Аринский, Крестяхский) доля русско-якутских метисов достигала 50–60% (Сулейманов 2023б: 36).

Таким образом, несмотря на процессы обьякучивания, русские старожилы Приленья в целом сумели сохранить свою этнокультурную идентичность. Этому способствовали компактность расселения, поддержание традиционного хозяйственного уклада (земледелие), а также постоянный приток новых переселенцев из Центральной России (Боякова 2012: 76).

3.2. Языковая ситуация в освещении дореволюционных исследователей Якутии

Чтобы понять языковую ситуацию у русских старожилов Приленья, необходимо рассмотреть социолингвистический контекст той эпохи. Якутск как административный и культурный центр региона воплощал в себе все главные черты языковой ситуации Якутии XIX в. Так, Ф.П. Врангель, посетивший Якутск в 1820–1824 гг., с удивлением отмечает господствующую роль якутского языка в коммуникации между представителями всех социальных слоев городского общества. На праздничном обеде у богатого купца, где присутствовали высокопоставленные гости, включая областное начальство, духовенство и чиновников, большая часть разговоров велась на якутском языке или изобиловала якутскими фразами, что затрудняло участие в беседе человека, не владеющего этим языком (Врангель 1841: 171).

Сходные наблюдения делает Н.С. Шукин, побывавший в Якутске в 1829, 1839, 1840 гг. Он проводит прямую параллель между доминированием якутского языка в этом городе и французского в столицах Российской империи. По его свидетельству, все русские, проживавшие в Якутске, независимо от социального положения владели якутским языком, а в результате постоянного тесного общения с якутским населением перенимали их обычаи и нередко говорили на якутском лучше, чем на родном русском. Он также подчеркивает, что взаимопонимание между якутянами и приезжими из других регионов России бывает затруднено и требует дополнительных объяснений и повторений (Шукин 1844: 228).

Очевидно, что языковая ситуация в Якутске, как центре притяжения и межэтнического взаимодействия, во многом определяла общий социолингвистический фон в регионе и оказывала значительное влияние на характер языковых процессов, в частности, в среде русского старожильского населения Приленья. В этом контексте обращение к анализу путевых заметок и очерков исследователей XIX в. позволяет конкретизировать и детализировать обозначенные тенденции, выявить локальные особенности и вариации в степени распространения русского-якутского двуязычия.

Так, И.А. Гончаров, путешествовавший по Лене в 1850-е гг., подчеркивает массовый характер русско-якутского двуязычия среди местного русского населения. Он отмечает, что все проживающие здесь русские переселенцы говорят по-якутски, причем используют этот язык даже в общении между собой, так как круг их социальных контактов ограничивается преимущественно якутами (Гончаров 1986: 524). Он приводит характерный пример живущей в одной юрте с якутами русской семьи ямщика, чьи дети уже не владеют русским языком (492).

А.П. Щапов в своем очерке 1872 г. идет еще дальше, утверждая, что русские на Лене «совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным смешением и образовали своеобразную, смешанную якутско-русскую народность» (Щапов 1872: 200). По его наблюдениям, физический облик и образ жизни русского и смешанного якутско-русского населения края практически не отличается от якутского. Помимо антропологического типа, исследователь отмечает значительные отличия умственного склада и хозяйственного уклада якутско-русского населения от собственно русского.

В.Г. Короленко, посетивший Якутию в 1880-е гг., также обращает внимание на повседневное бытование якутского языка в среде русских ямщиков на почтовых станциях. Он отмечает, что ямщики в своем общении активно используют якутский язык, но при этом прибегают к русской ненормативной лексике, доказывая тем самым свое «российское» происхождение (Короленко 1981: 178). Автор дает колоритное описание молодого ямщика «резко инородческими чертами», представителя

«наполовину объякутевшего населения средней Лены», исполняющего традиционную якутскую песню-импровизацию (183).

Данные, собранные И.И. Майновым в ходе его экспедиций в Якутскую область в 1894–1895 гг., позволяют дополнить и конкретизировать картину языковой ситуации у русских старожилов Приленья в конце XIX в. Исследователь приводит количественные показатели, свидетельствующие о широком распространении якутского моноязычия и глубокой степени языкового сдвига в этой группе. По его оценкам, около трети мужчин и более половины женщин в русских селениях Якутского округа совершенно не владеют русским языком. Большинство же остальных жителей говорят по-русски хуже, чем по-якутски, испытывая затруднения в подборе слов и выстраивая фразы по моделям якутского синтаксиса (Майнов 1900: 38).

По данным исследователя, этническое происхождение предков большинства приленских крестьян восходит к выходцам из губерний Европейской России (Петербургской, Московской, Симбирской) и Восточной Сибири (Енисейской). Однако в результате длительного и тесного взаимодействия с якутской средой значительная часть русского старожильческого населения края подверглась существенной физической и культурной трансформации. Так, в Якутском округе доля «якутоватых» крестьян, утративших «русский антропологический тип», составляла, по подсчетам исследователя, 37,14%, в то время как доля «чистых» русских – 62,85%. В Олекминском же округе только шесть южных селений, примыкающих к границе с Иркутской губернией, оставались свободными от «обьякучивания» (Майнов 1912: 20).

И.И. Майнов обращает также особое внимание на школьное образование на якутском языке как фактор, способствовавший языковому сдвигу в среде русского населения. Он отмечает, что Министерство народного просвещения долгое время не предпринимало никаких мер для поддержания у приленских крестьян знания русского языка и письменности. Нужды начального обучения детей грамоте частично восполнялись силами духовного ведомства, однако большинство русских родителей, осознававших необходимость приобщения своих детей к русской языковой и книжной культуре, были вынуждены прибегать к услугам случайных лиц – ссыльных, писарей, отдельных представителей духовенства (Майнов 1912: 32).

В то же время исследователь отмечает некоторые новые тенденции, намечившиеся в самые последние годы XIX в. и создающие предпосылки для приостановки дальнейшего «обьякучивания» русских. К ним относятся активизация трудовых миграций русского населения на золотые прииски, оживление судоходства по Лене, а также появление первых «маленьких и плохоньких» сельских школ (Майнов 1900: 38).

Дионео в своих путевых заметках 1895 г. обращает внимание на «обидчивое» стремление ямщиков явно якутского антропологического типа, едва владеющих русским языком, идентифицировать себя как «крестьян», т.е. русских. Автор также отмечает закономерность полного языкового перехода уже во втором поколении поселенцев: «...у поселенцев дети уже всегда объякутели» (Дионео 1895: 252).

П.С. Алексеев, путешествовавший по Лене в 1898 г., указывает на доминирование якутского языка в повседневном общении местного русского и инородческого населения на всем протяжении почтового тракта от границы до центра Якутской области (Алексеев 1898: 743). Он подробно описывает различные стадии «объякучивания» русских крестьян, проявляющиеся в трансформации их образа жизни, хозяйственных занятий, поселенческой структуры и типов жилищ по якутским образцам. Важнейшим признаком глубокого влияния якутов является переход многих русских семей на якутский язык внутрисемейного общения. При этом наблюдается четкая межпоколенческая граница во владении русским языком: если пожилые люди в общении с приезжими еще способны изъясняться на русском, хотя и «картаво, с иностранным акцентом», то молодежь уже «вовсе не понимает по-русски» (746). Автор приводит яркие портреты полностью объякутившейся молодой гребчихи с русской внешностью и 80-летнего ямщика – внука екатерининского ссыльного, понимающего по-русски, но говорящего с сильным акцентом и с обилием якутских слов (750).

Показательны также наблюдения участников Ленско-Колымской экспедиции 1909 г., отметивших, что для местного ямщика – русского крестьянина – якутский язык является «более родным», чем русский (Ленско-Колымская... 1930: 14).

В целом, суммируя имеющиеся данные по динамике языковой ситуации у русских старожилов Приленья с середины XIX до начала XX в., можно констатировать, что в этот период в данной этнолокальной группе наблюдались интенсивные процессы языкового сдвига с прогрессирующим доминированием якутского языка во всех сферах общения вплоть до полного вытеснения русского языка у значительной части населения. Эти процессы сопровождались глубокими изменениями традиционного образа жизни, хозяйственных практик и элементов материальной культуры русских под влиянием якутского этнического компонента, а также широким распространением смешанных русско-якутских браков, ведущим к метисации населения. Все это позволяет квалифицировать языковую и этнокультурную ситуацию в русских старожильческих районах Якутии данного периода как активную субстратную трансформацию с формированием региональной разновидности русско-якутской «креольской» культуры. Однако полного «растворения» русского

субстрата в якутской этнической среде, по-видимому, все же не произошло – в большинстве случаев наблюдалось сохранение русского этнического самосознания, что обсудим в следующих подразделах.

3.3. Факторы языковой адаптации русского населения в дореволюционной Якутии

Как было описано выше, процесс взаимодействия якутского и русского языков в дореволюционной Якутии отличался высокой интенсивностью и широким охватом различных социальных групп. Многочисленные исторические свидетельства указывают на глубокое влияние якутского языка на постоянное русское население края, обусловленное тесными бытовыми, экономическими и родственными связями между якутами и русскими переселенцами. Одним из ключевых факторов этого процесса было демографическое доминирование якутов, составлявших, по данным Т.В. Аргуновой, 82,3% населения дореволюционной Якутии, в то время как доля русских не превышала 10,5% (Аргунова 1992: 13).

В целом распространение русско-якутского двуязычия в регионе происходило постепенно, по мере углубления совместной трудовой деятельности и расширения межэтнических брачных связей. Как отмечают исследователи, этот процесс активизировался во второй половине XVII в., когда русские поселенцы стали повсеместно овладевать якутским языком (Слепцов, Аргунова, Васильева 2007: 317). Необходимость адаптации к новым условиям жизни и ведения хозяйства в тесном взаимодействии с якутами, большинство которых не владели русским языком, делала освоение якутского языка жизненно важным для переселенцев (Самсонов 1993: 11).

Важную роль в развитии двуязычия играли установки самого русского населения. По рассуждениям П.А. Слепцова, простые русские люди, составлявшие основную массу переселенцев, не проявляли языкового снобизма и осознавали объединяющую силу знания местного языка. Необходимость владения якутским языком осознавалась и местным чиновничеством, стремившимся к эффективному управлению, и православным духовенством, видевшим в нем ключ к успешной миссионерской деятельности. Церковнослужители не только практически осваивали язык, но и изучали его в духовных учебных заведениях, осуществляли переводы богослужебной литературы (Слепцов 1999: 68).

Роль якутского языка в системе образования и миссионерской деятельности Русской православной церкви в дореволюционной Якутии трудно переоценить. Анализ практики обучения в церковно-приходских школах, проведенный ректором духовной семинарии Ф. Стуковым, показывает, что якутский язык активно применялся в образовательном

процессе. Так, в первый год обучения, когда дети еще не владели русским языком, преподавание велось полностью на якутском. На второй год использовались оба языка, и только на третьем году обучение переходило преимущественно на русский, но с пояснениями на якутском. Якутский язык также был включен в программу духовной семинарии, духовного училища и учительской семинарии как отдельный предмет. Такое широкое использование якутского языка в системе образования было обусловлено его статусом языка межнационального общения практически на всей территории Восточной Сибири. Именно этот факт также лег в основу миссионерской деятельности Русской православной церкви в Якутии (Слепцов и др. 2007: 309).

Широкое распространение русско-якутского двуязычия и языковая адаптация части русского населения Якутии во многом объясняются особыми свойствами якутского языка. Е.И. Убрятова обращает внимание на его удивительную стойкость, присущую и другим тюркским языкам. В отличие от других регионов, где малочисленные группы русских переселенцев сохраняли свою языковую самобытность и даже ассимилировали местное население, в Якутии именно якутский язык демонстрировал исключительную устойчивость. Он усваивался не только русскими, но и другими народами региона (эвенками, эвенами, юкагирами), которые использовали его не только для общения с якутами, но и во внутреннем обиходе (Убрятова 1945: 6).

П.А. Слепцов, соглашаясь с Е.И. Убрятовой, приводит мнение выдающегося тюрколога С.Е. Малова о том, что тюркские языки, включая якутский, уже за 5 веков до нашей эры имели в основном современный вид. Эти языки подчиняются универсальным законам без исключений, а строй якутского языка отличается стройностью и высокой упорядоченностью. Сквозная агглютинация («склеивание») на всех уровнях делает его прозрачным и единообразным. Такие свойства существенно облегчают «этнографическое» усвоение якутского языка в естественных условиях повседневного общения (Слепцов 1999: 69).

Распространению русско-якутского двуязычия способствовал и якутский фольклор, который был неотъемлемой частью повседневной жизни дореволюционного якутского общества. По мнению П.А. Слепцова и других крупных специалистов (Г.У. Эргиса, Г.М. Васильева, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятовой), язык якутского фольклора представлял собой устный литературный язык. Пройдя обработку и шлифовку в недрах фольклора, разговорный якутский язык приобрел однородность, монолитность, устойчивые нормы литературного языка. А литературный язык обладает способностью спонтанно распространяться вширь и навязывать свои нормы. Показательно, что носители русско-якутского двуязычия часто отличались чистотой и правильностью якутской речи, были хранителями и исполнителями фольклора (Слепцов 1999).

Таким образом, процессы языковой адаптации русских в дореволюционной Якутии определялись сложным переплетением различных факторов и тенденций. Распространению русско-якутского двуязычия и языковой адаптации русского населения способствовали: 1) широкое применение якутского языка в образовании и миссионерской деятельности; 2) его функционирование как средства межэтнического общения в масштабах всей Восточной Сибири; 3) особые структурные свойства якутского языка, облегчающие его усвоение; 4) жизнестойкость якутского фольклора; 5) активные бытовые и экономические контакты с якутами.

3.4. Специфика этнокультурной адаптации русских старожилов Приленья

Языковая адаптация русских к якутской среде была неотделима от культурной. Крестьяне и ямщики, усвоив якутский язык (порой до полного забвения русского), переняли и немало особенностей якутского быта, одежды. При этом, оставаясь в целом приверженцами православия, они могли усваивать и некоторые якутские дохристианские верования и обряды. В ряде случаев это приводило к трансформации их этнического самосознания (Строгова 2007: 541).

Вместе с тем у основной массы русских крестьян Приленья сохранению этнокультурной идентичности способствовал ряд факторов: традиционный аграрный уклад, формирование к концу XVIII в. значительной прослойки местного русского населения, постоянный приток новых переселенцев. Важнейшими механизмами трансляции русской этнокультурной традиции в иноэтничном окружении также выступали календарные праздники (особенно масленица) и семейные обряды (прежде всего свадебный), удерживавшие свои позиции вплоть до 1950-х гг. Однако к середине XX в. наметилась тенденция к размыванию традиционных основ быта под влиянием модернизационных процессов (Хангаласский... 2007: 77). Как отмечают исследователи, в Центральной Якутии, где православная церковь имела более прочные позиции, русские, несмотря на соблюдение некоторых якутских обрядов (кормление духов, повязывание лент на деревьях, почитание священных деревьев), в быту сохраняли приверженность собственным религиозным традициям (Боякова 2012: 75). Иными словами, здесь православная идентичность русского населения в целом оказалась устойчивой к ассимиляционному давлению якутской религиозной среды.

В то же время О.И. Чарина приводит данные, свидетельствующие о довольно высокой веротерпимости жителей Хангаласского и Олекминского улусов и распространенности среди местного русского населения религиозного синкретизма. Многие из сосланных сюда русских не были

ревностными приверженцами христианства и в условиях адаптации к местной религиозной среде были вынуждены обращаться за помощью к якутским божествам и духам. При этом они нередко проводили параллели между якутскими «иччи» (духами местности) и персонажами русской языческой мифологии – водяным, лешим, полевым и т.д. В некоторых случаях домовый именовался якутским термином «эбэкээн». Вместе с тем староверы и сектанты (например, скопцы), также представленные среди русского населения данных улусов, демонстрировали большую устойчивость к ассимиляции, хотя и их фольклор испытал влияние якутского (Чарина 2011: 276).

Интересные данные о «гибридных» религиозных практиках русского населения были собраны О.И. Чариной в 2000 г. в Ленском улусе, в местах совместного проживания русских и якутов. Здесь русские жители пытались обращаться к духам леса в соответствии с якутскими традициями. В то же время в местах компактного обособленного проживания русских (например, в Витиме) подобный синкретизм не был зафиксирован (Чарина 2011).

В целом, специфика религиозной адаптации русского населения Приленья (Хангаласский, Олекминский, Ленский улусы) определялась комплексом разнонаправленных факторов: относительной устойчивостью позиций Русской православной церкви; разнородностью самого русского населения по конфессиональному составу (помимо приверженцев официального православия, были представлены староверы, сектанты); интенсивностью контактов с якутами и включенностью в местную этнокультурную среду.

При этом, как указывает С.И. Боякова, адаптация русской культуры к якутской среде у разных групп пришлого населения была неоднородной. Приленские крестьяне-ямщики, составлявшие большинство дореволюционных русских переселенцев, демонстрировали разные ее варианты в силу разновременности поселения, неодинаковой интенсивности контактов с якутами, различий в целях переселения (Боякова 2011: 8).

Особенности культурной адаптации русских коррелировали и с общими процессами их языковой интеграции в якутскую этнокультурную среду. Как отмечает М.Ф. Дружинина, бывшее влияние якутского языка на говоры русских старожилов до сих пор заметно в Хангаласском и отчасти в Олекминском улусах (Дружинина 1997: 5). По данным Р.И. Васильевой, основной формой билингвизма в Приленье является функциональный билингвизм, характеризующийся переключением кодов и распространённый в местах совместного компактного проживания русских старожилов и якутов. Для билингвов обеих этнических групп характерна двойственная идентичность, проявляющаяся не только в языке, но и в культуре (Васильева 2013: 164).

4. Современные этноязыковые процессы в среде русских старожилов Приленья

Современная этноязыковая ситуация в среде русских старожилов Якутии характеризуется сложным сочетанием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, исследователи отмечают, что в 1920-е гг. у русских крестьян наблюдался подъем национального самосознания, выразившийся в стремлении к «восстановлению своей национальности» через изучение русского языка и приобщение к русской культуре (Петрова 2004: 63). Открытие клубов, изб-читален, выпуск стенгазет, деятельность драмкружков способствовали «русификации обьякутившейся части населения». Рост национального самосознания нередко сопровождался усилением религиозных настроений, симпатий к православной церкви. В целом в 1920-е гг. формируется активный интерес к национальным корням, культурным ценностям и традициям (121).

Эта тенденция к ревитализации русского языка и культуры среди старожильческого населения получила развитие в последующие десятилетия. Полевые исследования отряда антропологического отдела Института этнографии АН СССР, проведенные в 1968 г. показали преобладание русского языка и обычаев в старожильческих деревнях и городах Приленья, несмотря на смешанное русско-якутское происхождение большинства населения (Русские старожилы... 1973: 144). Таким образом, можно констатировать определенный поворот языковой ситуации в сторону русскоязычия и «дрейф» этнокультурной идентичности в сторону русской составляющей у значительной части русских старожилов Якутии в советский период.

С другой стороны, почти три века совместного проживания с якутами привели к глубокой аккультурации русского старожильческого населения. Для большинства современных потомков русских ямщиков и крестьян якутский язык является родным, они сохранили многие якутские обычаи и традиции, выработали особый менталитет (Алексеева 2018: 49). Сохраняющееся якутское языковое и культурное влияние, очевидно, является своего рода «культурным наследием» дореволюционного периода, когда адаптационные процессы в якутской среде достигли своего пика.

Однако, несмотря на выраженные признаки обьякучивания, русские старожилы сохранили память о своем происхождении, приверженность русским обрядам и фольклору. Характерна в этом плане их самохарактеристика: «Мы, может быть, по языку больше якуты, но душой русские» (Алексеева 2018: 49). Как нам кажется, в ней отражена сложная, многосоставная идентичность русского старожильческого населения Приленья, сформировавшаяся в результате длительного межэтнического

взаимодействия. Эта идентичность, с одной стороны, допускает глубокое языковое и культурное влияние якутского компонента вплоть до признания якутского языка родным, но с другой – однозначно постулирует сохранение русского этнического самосознания как ключевой, базовой основы самоидентификации.

Сегодня наиболее яркой особенностью языковых традиций русских старожилов ряда деревень Приленья (Синск, Едей, Исит Хангаласского района, Саньяхтах Олекминского района) является билингвизм. Вместе с тем фиксируется, что многие представители старшего поколения либо вообще не владеют, либо плохо владеют русским языком, используя в повседневном общении преимущественно якутскую речь (Чарина 2024: 176). Двухязычие характерно и для фольклорной традиции русских сел вдоль бывшего Иркутско-Якутского тракта, где и русские, и якуты говорят на якутском языке, в то время как песни исполняются на русском (Чарина 2015: 123).

Использование якутского языка в русском фольклоре может выступать как специальный прием, направленный на вовлечение якутоязычного слушателя в процесс сказывания. В других случаях употребление якутских слов и выражений продиктовано их особым значением, связанным с якутским мировоззрением и картиной мира, усвоенными русскими старожилами (Чарина 2015). Характерный пример – обязательная на русских свадьбах песня о переносе сундука, исполняемая с явными признаками якутского языкового влияния (Чарина 2011: 279).

При этом, несмотря на активное якутское языковое и культурное влияние, основу фольклорной традиции русских старожилов Приленья по-прежнему составляют жанры, восходящие к общерусской традиции – прежде всего, хороводные песни, бережно передаваемые из поколения в поколение (Чарина 2024: 176). Билингвизм проявляется в них на уровне лексики, грамматики, фонетики, а в прозаических жанрах встречается и немотивированное включение элементов второго языка (Чарина 2024: 185).

В целом, современная фольклорная традиция русских старожилов Приленья представляет собой пример сложного симбиоза русских и якутских элементов, сформировавшегося в ходе многовекового межкультурного взаимодействия. Испытав сильное влияние якутской культуры и языка, она, тем не менее, сохраняет русский дух и содержание, русские основы, творчески адаптируя и преобразуя инокультурные компоненты. Свообразие этой локальной традиции, сочетающей славянские и тюркские истоки, вносит свой неповторимый колорит в общерусскую национальную культуру (Строгова 2007: 561).

Участие русских старожилов в традиционном якутском празднике Ысыах, знаменующем начало лета, также отражает динамику их культурной интеграции в якутское сообщество. Если раньше это участие но-

сило несколько принужденный характер, вызывало определенный дискомфорт из-за непривычности якутских обрядовых действий (например, кругового танца осуохай), то с 2000-х гг. постепенно празднование Ысыаха стало восприниматься русскими более органично (Чарина 2014: 113). Интересно следующее: многовековая история соседства и тесного взаимодействия двух этнических групп в Приленье привела к тому, что межэтнические браки между ними стали восприниматься как естественные и привычные, даже не маркируясь специально как «межнациональные» (Винокурова 2018: 80), что, безусловно, указывает на высокую степень взаимопринятия и культурной совместимости русских старожилов и якутов.

Результаты социолингвистического обследования, проведенного в 1996–1999 гг. в Олекминском и Хангаласском улусах, свидетельствуют о высоком уровне распространенности якутско-русского билингвизма среди русского старожильческого населения Приленья. Отмечается, что для опрошенных из Хангаласского улуса оба языка – русский и якутский – являются функционально и эмоционально равнозначными (Слепцов и др. 2007: 318). Р.И. Васильева подчеркивает, что переключение кодов между русским и якутским языками в устной речи билингвов является обычным явлением, наблюдаемым как в бытовом, так и в официальном общении. Исследователь полагает, что выбор языковых средств из двух языковых систем билингвами основывается на неких внутренних «закодированных правилах», продиктованных стремлением к более тесному контакту с собеседником, желанием точнее выразить мысль и убедить слушателя. Было выявлено, что характерный для старшего и среднего поколения местный русско-якутский говор не свойствен молодежи, в большей степени владеющей литературной формой русского языка (Васильева 2013: 165).

Последние исследования выявляют противоречивый характер также в их языковых установках и практиках в отношении якутского языка. С одной стороны, якутский язык занимает важное место в языковом сознании и коммуникативных практиках этой этнолокальной группы, выступая одним из ключевых маркеров их «ямщицкой» идентичности и инструментом успешной социальной интеграции в полиэтническом сообществе. С другой стороны, наблюдаются снижение уровня межпоколенной передачи якутского языка в семьях, признаки перехода с русско-якутского двуязычия на русское моноязычие, особенно характерные для младшего поколения, проживающего в более урбанизированных населенных пунктах (Данилов 2024: 183).

Однако, несмотря на тенденции снижения межпоколенной передачи якутского языка, в Хангаласском улусе проводится активная политика по поддержке и популяризации самобытной культуры русского старо-

жильческого населения и русско-якутского двуязычия. Ямщицкое прошлое улуса стало одним из его ключевых брендов, что нашло отражение в создании ряда культурно-этнографических и музейных комплексов, проведении фестивалей и праздников, организации научно-просветительских экспедиций и конференций, поддержке фольклорных коллективов (Сулейманов 2023б: 38). Эти инициативы знаменуют начавшийся процесс брендирования Хангаласского улуса как места бытования уникальной локальной русской традиции, сформировавшейся в результате длительной изоляции от центральных областей России и тесного взаимодействия с коренным якутским населением и по сей день вызывающей огромный интерес. Возрождение ямщицких обрядовых и праздничных традиций, как отмечают исследователи, может стать основой для развития туристической привлекательности Приленья, базирующейся на сохранении уникальной локальной культуры (двуязычных практик, ямщицких традиций и др.) при одновременном развитии современной инфраструктуры (Павлова-Борисова, Леджинова 2022: 40).

Заключение

Проведенное исследование языковой адаптации русских старожилов Приленья позволяет выявить специфику языковых процессов во фронтальных зонах и объяснить парадокс: к концу XIX в. произошел полный языковой сдвиг с русского на якутский язык при сохранении русской этнической идентичности.

Языковой сдвиг стал результатом синергетического действия нескольких факторов. Демографическая асимметрия при соотношении 82% якутов к 11% русских создавала среду повседневных контактов, благоприятную для доминирования якутского языка. Экономическая интеграция русских ямщиков в хозяйственную систему региона превратила якутский язык в необходимый инструмент выживания. Образование в церковно-приходских школах велось преимущественно на якутском языке, что создавало эффект межпоколенческой передачи якутского при одновременном ослаблении передачи русского. К этому добавлялись структурные свойства самого якутского языка – агглютинативная морфология и упорядоченная грамматика облегчали его естественное усвоение, а развитая устная литературная традиция обеспечивала устойчивость языка. Эти факторы взаимно усиливали друг друга.

Направленность адаптационных процессов определялась условиями, характерными для фронтальных территорий. Географическая изоляция ослабляла связь с метрополией и снижала функциональную значимость русского языка в повседневной жизни. Демографический дисбаланс в сочетании с компактным расселением создал парадоксальную ситуацию: русские как устойчивое меньшинство подвергались интенсивному

языковому давлению, но цепь из 62 станций вдоль Лены позволяла поддерживать внутриэтнические социальные связи. Необходимость хозяйственно-культурной адаптации к экстремальным природно-климатическим условиям Севера делала усвоение якутского языка и элементов якутской культуры рациональной стратегией.

Однако полный языковой сдвиг не привел к этнической ассимиляции. Это стало возможным благодаря действию компенсаторных механизмов воспроизведения этнической границы. Компактность расселения позволяла поддерживать эндогамные брачные сети между русскими разных станций, что препятствовало физиологической ассимиляции. Социально-экономическая специализация, связанная с ямской гоньбой как наследуемой должностью, создавала статус государевых людей, функционировавший как маркер идентичности независимо от языка общения. Сохранение православия и связанных с ним календарных обрядов воспроизводило символические границы, не требуя ежедневного использования русского языка. Историческая память о происхождении от переселенцев-ямщиков, о службе передавалась как семейный нарратив и поддерживала русскую идентичность в условиях языкового сдвига. Таким образом, во фронтальных условиях язык переставал быть необходимым условием воспроизведения этнической границы, его функцию брали на себя социальные структуры, экономические позиции и символические практики.

Проследивание языковой ситуации на протяжении более двух столетий выявляет нелинейный характер адаптационных процессов. От первоначального доминирования русского языка в ходе заселения региона выходцами из Европейской России в XVIII–XIX вв. она эволюционировала в сторону нарастающего русско-якутского двуязычия и даже перехода значительной части приленских старожилов на якутский язык. Своего пика процесс «объякучивания» достиг на рубеже XIX–XX вв., когда, по свидетельствам современников, якутский язык стал основным средством повседневного общения для значительной части русского населения региона. С 1920-х гг. намечился поворот к ревитализации русского языка, благодаря развитию школьного образования на русском языке, приобщению к русскоязычной культуре, росту национального самосознания. Следовательно, в советское время постепенно восстанавливалось русско-якутское двуязычие. К 1960-м гг. полевые исследования фиксировали преобладание русского языка в старожильческих селениях. С конца XX в. наблюдается новая тенденция: младшие поколения переходят на русское моноязычие, утрачивая якутский язык. Одновременно предпринимаются попытки сохранить двуязычие через создание музеев, проведение фестивалей, брендинг идентичности, а также межпоколенной передачи языка.

Систематизация процессов языковой адаптации русских старожилов Приленья в единую аналитическую парадигму позволяет сформулиро-

вать следующие выводы о специфике языковых процессов во фронтальных зонах. Случай Приленья демонстрирует инверсию привычных колониальных языковых иерархий: язык коренного населения вытеснил язык представителей метрополии. Это стало возможным потому, что географическая и институциональная удаленность делала использование русского языка менее необходимым в повседневной жизни, тогда как демографические и экономические факторы обеспечивали функциональное преимущество языка коренного населения. Исследование также показывает, что полный языковой сдвиг может происходить независимо от этнической ассимиляции. При наличии альтернативных механизмов воспроизведения этнической границы (компактности расселения, специализации, эндогамии, символических практик, исторической памяти и др.) группа может сохранять этническое самосознание при полной смене языка общения. Наконец, долгосрочная динамика языковой ситуации показывает, что языковая адаптация во фронтальной зоне представляет собой не движение к завершеному состоянию, а динамическое балансирование между различными стратегиями, направление которого определяется текущей конфигурацией демографических, экономических, институциональных и социальных факторов.

Список источников

- Алексеев П.С.* Вверх по Лене в почтовой лодке. Путевые заметки // Вестник Европы. 1898. Кн. 6. С. 742–765.
- Алексеева С.А.* Государевы люди: уникальное наследие приленских ямщиков в контексте исторической памяти // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2018. № 4 (12). С. 44–51.
- Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск, 1992. 88 с.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.А.* Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
- Боякова С.И.* Русская женщина в этнокультурном пространстве Якутии (XVII – начало XX в.) // Якутский архив. 2011. № S3. С. 3–10.
- Боякова С.И.* Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 73–80.
- Васильева О.В.* Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2020. 151 с.
- Васильева Р.И.* Якутско-русские языковые контакты в многоязычной среде (на материале фольклорных текстов) // Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов: материалы I Алексеевских чтений. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2013. С. 160–166.
- Винокурова Д.М.* Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. С. 69–89.
- Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшею под

- начальством флота лейтенанта Фердинанда фон- Врангеля. Часть 1. СПб.: типография А. Бородина и К°, 1841. 356 с.
- Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада»: очерки путешествия. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. 576 с.
- Данилов И.А.* Якутский язык в восприятии русского населения Якутии: опыт потомков государевых ямщиков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 4 (49). С. 175–186.
- Дионео.* На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1895. 287 с.
- Дружинина М.Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 137 с.
- Ерохина Е.А.* Контроль над пространством: локальные сообщества Сибири в зонах современного Северного фронта // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 3. С. 112–119.
- Игнатьева В.Б.* Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. Якутск: Якутский научный центр, 1994. 144 с.
- История Якутии : В 3 т. / А.Н. Алексеев, Е.К. Алексеева, В.Г. Аргунов [и др.]. Т. I. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Короленко В.Г.* Сибирские рассказы и очерки. М.: Художественная литература, 1981. 317 с.
- Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: Под начальством К.А. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 395 с.
- Майнов И.И.* Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. 1900. № 4. С. 37–57.
- Майнов И.И.* Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 432 с.
- Макаров И.Г.* Сельское русское население Республики Саха (Якутия) (1990–2000 гг.) // Якутский архив. 2006. № 1 (20). С. 29–36.
- Никитина С.Е.* Формирование сельского русского населения Якутии в коммуникативном пространстве Российского государства в эпоху Петра I // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1 (37). С. 21–32.
- Павлова-Борисова Т.В., Леджинова Н.С.* К вопросу о сохранении культурного наследия приленских ямщиков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2022. № 2 (26). С. 37–42.
- Петрова Т.П.* Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. 199 с.
- Пилясов А.Н.* Российский арктический фронт: парадоксы развития // Регион: Экономика и Социология. 2015. № 3 (87). С. 3–36.
- Попов Г.А.* Сочинения. Т. 2: Якутский край. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС(Я), 2006. 367 с.
- Попов Г.А.* Сочинения. Т. 4: Прошлое Якутии. Якутск: ЯГУ, ИГИиПМНС СО РАН, 2009. 480 с.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.
- Романов И.Г.* Русские // Якутия – наш общий дом. Вып. 1. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. 144 с.
- Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк / В.А. Александров, А.А. Лебедева, Г.М. Давыдова, В.В. Бунак. М.: Наука, 1973. 189 с.
- Самсонов Н.Г.* Два языка – два родника. Якутск: Бичик, 1993. 174 с.
- Сафронов Ф.Г.* Распространение земледелия на Северо-Востоке Сибири в XVII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1987. С. 28–39.
- Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск: Якут. книжное изд-во, 1961. 494 с.

- Слецов П.А.* Традиционное русско-якутское двуязычие: условия, причины, следствия // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1999. С. 65–71.
- Слецов П.А., Арунова Т.В., Васильева Р.И.* Языки народов Якутии в исторической и современной социолингвистической парадигме // Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск: АН РС(Я), 2007. С. 305–323.
- Соколов А.Д.* По следам государевых ямщиков. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. 156 с.
- Строгова Е.А.* Русские // Якутия. Историко-культурный атлас: Природа. История. Этнография. Современность. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2007. С. 540–565.
- Строгова Е.А.* К вопросу о характере этнических процессов у русских старожилов центральной Якутии в период формирования этнической группы // Человек и Север: антропология, археология, экология. Т. 1. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2009. С. 180–182.
- Сулейманов А.А.* «Доместикация» холода русским населением Якутии во второй половине XIX – первой половине XX вв // Человек и культура. 2023а. № 6. С. 85–95.
- Сулейманов А.А.* Из истории этнических процессов на территории Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023б. № 2 (64). С. 32–41.
- Убрятова Е.И.* Очерк истории изучения якутского языка. Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1945. 34 с.
- Федорова Е.Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее (демографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1999. 207 с.
- Филиппова В.В.* Пространственный анализ образования населенных пунктов на территории Хангаласского района в XX веке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 59–65.
- Хангаласский улус: история, культура, фольклор. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2007. 416 с.
- Хромых А.С.* Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2012. 312 с.
- Чарина О.И.* Особенности фиксации русского старожильского фольклора в Якутии: опыт экспедиций разных лет // Славянская традиционная культура и современный мир. Выпуск 14. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 271–280.
- Чарина О.И.* Характер локальных особенностей фольклора русских старожилов севера Якутии и среднего Приленья // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-2. С. 110–114.
- Чарина О.И.* Изучение русского фольклора северо-востока Якутии в начале XXI века // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 119–124.
- Чарина О.И.* Русский фольклор Приленья // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2024. № 20. С. 172–190.
- Щапов А.П.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1872. Т. 3, № 4. С. 185–204.
- Шукин Н.С.* Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография Департамента Военных Поселений, 1844. 315 с.
- Bakker P.A.* language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis. Oxford: Oxford University Press, 1997. 336 p.
- Bashkirov M., Ikonnikova A.* Métis communities of Iakutiia: Historical memory and ethnocultural representation // Region. 2019. Vol. 8, № 2. P. 127–147.
- Carrington L.D.* The status of Creole in the Caribbean // Caribbean Quarterly. 1999. Vol. 45, № 2-3. P. 41–51.

- Golovko E.V., Vakhtin N.B.* Aleut in contact: The CIA enigma // *Acta Linguistica Hafniensia*. 1990. Vol. 22, № 1. P. 97–125.
- McConvell P.* Contact and indigenous languages in Australia // *The Handbook of Language Contact* / ed. by R. Hickey. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 770–794.

References

- Aleksandrov V.A., Lebedeva A.A., Davydova G.M., Bunak V.V. (1973) *Russkie starozhily Sibiri: istoriko-antropologicheskij ocherk* [Russian old-timers of Siberia: historical and anthropological essay]. Moscow: Nauka.
- Alekseev A.N., Alekseeva E.K., Argunov V.G. et al. (2020) *Istorija Jakutii: v 3-h tomah. Tom I* [History of Yakutia: in 3 volumes. Volume I]. Novosibirsk: Nauka.
- Alekseev P.S. (1898) Vverh po Lene v pochtovoj lodke. Putevyje zametki [Up the Lena River in a mail boat. Travel notes], *Vestnik Evropy*, vol. 6, pp. 742–765.
- Alekseeva S.A. (2018) Gosudarevy ljudi: unikal'noe nasledie prilenskikh jamshhikov v kontekste istoricheskoy pamjati [Sovereign people: the unique heritage of the Lena River coachmen in the context of historical memory], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Nauki o Zemle*, no. 4(12), pp. 44–51.
- Argunova T.V. (1992) *Jakutsko-russkoe dvujazychie (sociolingvističeskij aspekt)* [Yakut-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)]. Yakutsk.
- Bakker P.A. *language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French language of the Canadian Métis*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Bashkirov M., Ikonnikova A. (2019) Métis communities of Yakutia: Historical memory and ethnocultural representation, *Region*, vol. 8, No. 2, pp. 127–147.
- Bergelson M.B., Kibrik A.A. (2018) Russkij jazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikacija kul'tury v uslovijah izoljacii [Russian language on the shores of Cook Inlet: cultural self-identification in conditions of isolation], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, no. 54, pp. 29–41.
- Boyakova S.I. (2011) Russkaja zhenshhina v jetnokul'turnom prostranstve Jakutii (XVII – nachalo XX v.) [Russian woman in the ethnocultural space of Yakutia (17th – early 20th century)], *Jakutskij arhiv*, no. S3, pp. 3–10.
- Boyakova S.I. (2012) Russkie starozhily Jakutii: kul'tura i landshaft [Russian old-timers of Yakutia: culture and landscape], *Arktika i Sever*, no. 9, pp. 73–80.
- Carrington L.D. (1999) The status of Creole in the Caribbean, *Caribbean Quarterly*, vol. 45, No. 2-3, pp. 41–51.
- Charina O.I. (2011) Osobennosti fiksacii russkogo starozhil'českogo fol'klora v Jakutii: opyt jekspedicii raznyh let [Features of fixation of Russian old-timer folklore in Yakutia: the experience of expeditions of different years], In: *Slavjanskaja tradicionnaja kul'tura i sovremennij mir*. Vol. 14. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, pp. 271–280.
- Charina O.I. (2014) Harakter lokal'nyh osobennostej fol'klora russkich starozhilov severa Jakutii i srednego Prilen'ja [The nature of local features of the folklore of Russian old-timers in the north of Yakutia and the middle Lena River region], *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10-2, pp. 110–114.
- Charina O.I. (2015) Izučenie russkogo fol'klora severo-vostoka Jakutii v nachale XXI veka [The study of Russian folklore in the northeast of Yakutia at the beginning of the 21st century], *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 3(12), pp. 119–124.
- Charina O.I. (2024) Russkij fol'klor Prilen'ja [Russian folklore of the Lena River region], *Sbornik trudov Jakutskoj duhovnoj seminarii*, no. 20, pp. 172–190.
- Danilov I.A. (2024) Jakutskij jazyk v vosprijatii russkogo naselenija Jakutii: opyt potomkov gosudarevyh jamshhikov [The Yakut language in the perception of the Russian population of Yakutia: the experience of the descendants of the sovereign coachmen], *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 4 (49), pp. 175–186.

- Dioneo. (1895) *Na krajnem Severo-Vostoke Sibiri* [In the far North-East of Siberia]. Saint Petersburg: Izd. L.F. Panteleva.
- Druzhinina M.F. (1997) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Jakutii* [Dictionary of Russian old-timer dialects on the territory of Yakutia]. Yakutsk: Izd-vo JaGU.
- Erohina E.A. (2024) Kontrol' nad prostranstvom: lokal'nye soobshhestva Sibiri v zonah sovremenного Severnogo frontira [Control over space: local communities of Siberia in zones of the modern Northern frontier], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 31, no. 3, pp. 112–119.
- Fedorova E.N. (1999) *Naselenie Jakutii: proshloe i nastojashhee (demograficheskoe issledovanie)* [The population of Yakutia: past and present (demographic research)]. Novosibirsk: Nauka.
- Filippova V.V. (2019) Prostranstvennyj analiz obrazovaniya naselennykh punktov na territorii Hangelasskogo rajona v XX veke [Spatial analysis of the formation of settlements on the territory of the Khangalassky district in the 20th century], *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, no. 1(26), pp. 59–65.
- Golovko E.V., Vakhtin N.B. (1990) Aleut in contact: The CIA enigma, *Acta Linguistica Hafniensia*, Vol. 22, No. 1, pp. 97–125.
- Goncharov I.A. (1986) *Fregat «Pallada»: ocherki puteshestvija* [Frigate "Pallada": travel essays]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo.
- Hangelasskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor Khangalasskij ulus: history, culture, folklore.* Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN.
- Hromyh A.S. (2012) *Sibirskij frontir. Vstrecha civilizacij ot Urala do Eniseja (poslednjaja tret' XVI - pervaja chetvert' XVII veka)* [Siberian frontier. Meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th - first quarter of the 17th century)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva.
- Ignat'eva V.B. (1994) *Nacional'nyj sostav naselenija Jakutii. Jetno-statisticheskoe issledovanie* [National composition of the population of Yakutia. Ethno-statistical research]. Yakutsk: Jakutskij nauchnyj centr.
- Korolenko V.G. (1981) *Sibirskie rasskazy i ocherki* [Siberian stories and essays]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Lensko-Kolymskaja jekspedicija 1909 goda: Pod nachal'stvom K.A. Voloshinova Lena-Kolyma expedition of 1909: Under the command of K.A. Voloshinov.* Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
- Majnov I.I. (1900) Pomes' russkikh s jakutami [A mixture of Russians with Yakuts], *Russkij antropologicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 37–57.
- Majnov I.I. (1912) *Russkie krest'jane i osedlye inorodcy Jakutskoj oblasti* [Russian peasants and settled foreigners of the Yakut region]. Saint Petersburg: Tipografija V.F. Kirshbauma.
- Makarov I.G. (2006) Sel'skoe russkoe naselenie Respubliki Saha (Jakutija) (1990–2000 gg.) [Rural Russian population of the Republic of Sakha (Yakutia) (1990–2000)], *Jakutskij arhiv*, no. 1(20), pp. 29–36.
- McConvell P. (2010) Contact and indigenous languages in Australia, In: *The Handbook of Language Contact* / ed. by R. Hickey. Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 770–794.
- Nikitina S.E. (2023) Formirovanie sel'skogo russkogo naselenija Jakutii v kommunikativnom prostranstve Rossijskogo gosudarstva v jepohu Petra I [Formation of the rural Russian population of Yakutia in the communicative space of the Russian state in the era of Peter I], *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, no. 1(37), pp. 21–32.
- Pavlova-Borisova T.V., Ledzhinova N.S. (2022) K voprosu o sohranении kul'turnogo nasledija prilenskikh jamshhikov [On the issue of preserving the cultural heritage of the Lena River coachmen], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Jekonomika. Sociologija. Kul'turologija*, no. 2(26), pp. 37–42.
- Petrova T.P. (2004) *Russkoe naselenie Jakutii: problemy jetnokul'turnoj adaptacii* [The Russian population of Yakutia: problems of ethnocultural adaptation]. Yakutsk: IGI AN RS(Ja).

- Piljasov A.N. (2015) Rossijskij arkticheskij frontir: paradoksy razvitija [Russian Arctic frontier: paradoxes of development], *Region: Jekonomika i Sociologija*, no. 3(87), pp. 3–36.
- Popov G.A. (2006) *Sochinenija. T. 2: Jakutskij kraj* [Works. Vol. 2: Yakut region]. Yakutsk: JaGU, IGI AN RS(Ja).
- Popov G.A. (2009) *Sochinenija. T. 4: Proshloe Jakutii* [Works. Vol. 4: The Past of Yakutia]. Yakutsk: JaGU, IGI PMNS SO RAN.
- Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. (2005) *Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov* [Siberia, late 16th – early 20th century: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: ID "Sova".
- Romanov I.G. (2001) Russkie [Russians], In: *Jakutija – nash obshhij dom*. Vol. 1. Yakutsk: Sahapoligrafizdat.
- Safronov F.G. (1961) *Russkie krest'jane v Jakutii (XVII — nachalo XX v.)* [Russian peasants in Yakutia (17th – early 20th century)]. Yakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Safronov F.G. (1987) Rasprostranenie zemledelija na Severo-Vostoke Sibiri v XVII – nachale XX vv. [The spread of agriculture in the North-East of Siberia in the 17th - early 20th centuries], In: *Istoricheskie svyazi narodov Jakutii s russkim narodom*. Yakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 28-39.
- Samsonov N.G. (1993) *Dva jazyka – dva rodnika* [Two languages – two springs]. Yakutsk: Bichik.
- Shhapov A.P. (1872) *Istoriko-geograficheskie i etnologicheskie zametki o sibirskom naselenii* [Historical-geographical and ethnological notes on the Siberian population], *Izvestija Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 3, no. 4, pp. 185–204.
- Shhukin N.S. (1844) *Poezdka v Jakutsk* [A trip to Yakutsk]. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: Tipografija Departamenta Voennyh Poselenij.
- Slepcev P.A. (1999) Tradicionnoe russko-jakutskoe dvujazychie: uslovija, prichiny, sledstvija [Traditional Russian-Yakut bilingualism: conditions, reasons, consequences], In: *Aktual'nye problemy jazyka i literatury na rubezhe vekov*. Yakutsk: JaNC SO RAN, pp. 65–71.
- Slepcev P.A., Argunova T.V., Vasil'eva R.I. (2007) Jazyki narodov Jakutii v istoricheskoj i sovremennoj sociolingvisticheskoj paradigme [Languages of the peoples of Yakutia in the historical and modern sociolinguistic paradigm], In: *Rossija i Jakutija: skvoz' prizmu istorii*. Yakutsk: AN RS(Ja), pp. 305–323.
- Sokolov A.D. (2002) *Po sledam gosudarevyh jamshhikov* [In the footsteps of the sovereign coachmen]. Yakutsk: Sahapoligrafizdat.
- Strogova E.A. (2007) Russkie [Russians], In: *Jakutija. Istoriko-kul'turnyj atlas: Priroda. Istorija. Jetnografija. Sovremennost'*. Moscow: Dizajn. Informacija. Kartografija, pp. 540–565.
- Strogova E.A. (2009) K voprosu o haraktere jetnicheskikh processov u russkikh starozhilov central'noj Jakutii v period formirovanija jetnicheskoj gruppy [On the nature of ethnic processes among the Russian old-timers of central Yakutia during the formation of an ethnic group], In: *Chelovek i Sever: antropologija, arheologija, jekologija*. Vol. 1. Tjumen': Institut problem osvoenija Severa SO RAN, pp. 180–182.
- Sulejmanov A.A. (2023a) «Domestikacija» holoda russkim naseleniem Jakutii vo vtoroj polovine XIX – pervoj polovine XX vv ["Domestication" of the cold by the Russian population of Yakutia in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries], *Chelovek i kul'tura*, no. 6, pp. 85–95.
- Sulejmanov A.A. (2023b) Iz istorii jetnicheskikh processov na territorii Hangalasskogo ulusa Respubliki Saha (Jakutija) [From the history of ethnic processes on the territory of the Khangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2(64), pp. 32–41.

- Ubrjatova E.I. (1945) *Oчерk istorii izuchenija jakutskogo jazyka* [Essay on the history of the study of the Yakut language]. Yakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo JaASSR.
- Vasil'eva O.V. (2020) *Jetnichnost' i obshhestvo v Respublike Saha (Jakutija): sociologicheskij analiz* [Ethnicity and society in the Republic of Sakha (Yakutia): sociological analysis]. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN.
- Vasil'eva R.I. (2013) Jakutsko-russkie jazykovye kontakty v mnogojazychnoj srede (na materiale fol'klornyh tekstov) [Yakut-Russian language contacts in a multilingual environment (based on folklore texts)], In: *Jetnografija, fol'kloristika i religiovedenie Sibiri i sopredel'nyh regionov: materialy I Alekseevskih chtenij*. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, pp. 160–166.
- Vinokurova D.M. (2018) Migrantskie soobshhestva v mestah pribytija: traektorii kommunikacii [Migrant communities in places of arrival: communication trajectories], In: *Respublika Saha (Jakutija): osobennosti territorial'noj i social'noj mobil'nosti*. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, pp. 69–89.
- Vrangel' F.P. (1841) *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu morju, sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 g. jekspediceju, sostojavshej pod nachal'stvom flota lejtenanta Ferdinanda fon-Vrangelja. Chast' I* [Journey along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean, made in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824 by the expedition under the command of the Navy Lieutenant Ferdinand von Wrangel. Part 1]. Saint Petersburg: tipografija A. Borodina i K°.

Сведения об авторе:

ДАНИЛОВ Игорь Альбертович – младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). ORCID: 0000-0002-1974-3088. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Igor A. Danilov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1974-3088. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 28 марта 2025;
принята к публикации 6 ноября 2025.*

*The article was submitted 28.03.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*